УДК 599.742.41 : 639.113.5

В.Н. Степаненко
ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск, Россия

К ИСТОРИИ ПРОМЫСЛА СОБОЛЯ

Рассмотрены причины увеличения заготовок соболя. Ареал вида был сокращён задолго до похода Ермака. Освоение Сибири русскими шло более века, а обилие соболя с их приходом снижалось очень быстро. Цифры заготовок вида в этот период не отражали потенциальной продуктивности соболиных популяций. Реальная добыча соболя в прошлом была выше цифр, отражавших официальный оборот его мехов. К настоящему времени ареал соболя восстановился полностью, спрос на соболиные шкурки на неофициальном внутреннем рынке минимален. Современный стабильно высокий уровень заготовок шкурок соболя отражает реальную продуктивность его популяций, современная культура охоты на соболя благополучию вида не угрожает.

Ключевые слова: соболь, Сибирь, ареал, промысел, лайки, тайга, коренное население, заготовки.

Соболь, к началу XX века оказавшийся на грани исчезновения, в XXI вновь стал многочисленным, причём объёмы его заготовок многократно превысили таковые в периоды освоения Сибири и плановой экономики. Считается, что при освоении Сибири русскими заготовки соболя иногда превышали уровень в 200 тыс. шкурок, но к началу XX века снизились более чем в 10 раз. Во второй половине XX века соболь вновь стал главным промысловым видом страны, причём уровень его заготовок превысил 200 тысяч в 80-е годы прошлого столетия. Но с развалом промхозов и сокращением числа охотников заготовки соболя не сократились, а выросли, в отдельные промысловые сезоны на рынок поступало до 800 тысяч соболиных шкурок. Что удивительно, нежелательных последствий, таких как сокращение ареала и численности соболя, возросшие объёмы изъятия не вызвали. Причины такого роста уровня заготовок до сих пор не выявлены. Данная статья – попытка хотя бы частично разобраться с этой проблемой.

Одна из причин – изменения ареала соболя в обозримый исторический период. Считается, что возросший с русской колонизацией пресс охоты неуклонно сокращал ареал вида, причём этот процесс продолжался и в первой трети прошлого века. К середине этого века, после действия всероссийского запрета на добычу соболя, его ареал представлял ряд изолированных очагов

(Надеев, Тимофеев, 1955). Но начавшийся рост численности и ареала вида продолжался и в 60 – 80 годы, при интенсивном промысле одновременно с ростом заготовок.

Ареал соболя был сокращён задолго до включения Сибири в состав Российской Империи. Активный промысел вида практиковался здесь силами коренного населения задолго до этого. И.В. Арембовский (1936) приводит сведения, что Южная Сибирь находилась на положении колонии, поставщицы дани в течение двух тысячелетий, переходя из рук в руки соседей, создавших государственность - от хунну и Тюркского Каганата до Чингис-Хана и его наследников и, наконец, русских. При этом скотоводческие народы сибирской степи и лесостепи активно эксплуатировали таёжных жителей, главной данью была дикая пушнина. Имеются сведения, что при освоении Прибайкалья русскими у скотоводов степи и лесостепи как в Прибайкалье, так и в Монголии, любое имущество оценивалось не в быках, а в соболях, то есть соболь считался валютой. Буряты Прибайкалья собирали дань со всех эвенкийских родов, осваивающих не только прилегающую к лесостепи, но и дальнюю тайгу. Монголы же за данью для богдыхана ходили от озера Хубсугул до Верхоленья, причём это продолжалось ещё десятки лет после освоения Прибайкалья русскими (Окладников, 2014).

Как двухтысячелетний промысел повлиял на ареал соболя, определить очень сложно, ведь соболиные меха легко перевозились из одного пункта в другой и факт их поступления в ясак или на рынок отнюдь не означал обитания соболя в данной местности. Но об обитании соболя свидетельствуют рабочие качества местных охотничьих лаек. Соболь всегда являлся желанным объектом охоты, причём как в Прибайкалье, так и по всей Сибири коренное население в прошлом этого зверька добывало активными способами, в первую очередь с лайками. Охотники во все времена знали, что у собак склонность к работе по какому-либо виду охотничьих животных передаётся по наследству. Когда были выведены лайки-соболятницы, неизвестно, но они появились и распространились именно тогда, когда соболь как объект добычи

был очень востребован. Наличие у собак наследственной страсти к соболю приветствовалось, именно такие собаки получали преимущества при отборе по рабочим качествам. С сокращением ареала соболя отбор лаек по рабочим качествам продолжался, но страсть к соболю, оказавшаяся невостребованной, у местных лаек утрачивалась. Вероятно, это происходило достаточно медленно. Там где соболь перестал быть общедоступным объектом охоты относительно недавно, менее ста лет тому назад, страсть к соболю у местных собак сохранилась до восстановления обилия вида. Пример этого – лайки Катангского района Иркутской области. К началу XX века соболь здесь был уже выбит и только через 50 – 60 лет вновь стал обычным. Но собаки с наследственной страстью к работе по этому виду составляли основу местного их поголовья. Преподаватель дисциплины «Охотничье собаководство» охотовед А.В. Гейц, на своих лекциях об истории создания породы «восточно-сибирская лайка» рассказывал, что собаки с ярко выраженной наследственной страстью к преследованию соболя свойственны так же для пос. Карам Казачинско-Ленского района, посёлков Выдрино и Червянка Чунского района Иркутской области, для Эвенкии и ряда других пунктов. Но на севере Баяндаевского района местные лайки, обладая прекрасным экстерьером и рабочими качествами по белке, лосю и рыси, страстью к соболю не обладали поголовно. Для породы «восточно-сибирская лайка» эти собаки не использовались, ведь в породе закрепляли склонность к работе именно по соболю. В русских деревнях в верхнем течении р. Лена, где промысловая охота всегда оставалась важнейшей частью местной культуры жизнеобеспечения, местные лайки, по сведениям старожилов, по соболю тоже не работали. Это выяснилось в начале второй половины XX века, одновременно с восстановлением здесь ареала соболя. Охотники были вынуждены закупать щенков от соболиных собак у эвенков и русских охотников, в том числе за пределами Качугского района. Цена на таких щенков была очень высокой – 100 белок за суку, 70 за кобелька. Но через несколько лет в деревнях Большая Тарель, Бирюлька и других появились гнёзда лаек-соболятниц и необходимость завоза щенков

издалека отпала. Отсутствие у местных лаек страсти к работе по соболю прослеживается повсеместно на всей южной границе ареала вида в XX веке, в том числе в Бурятии, Читинской и Амурской областях и т.д. Например, в бассейне р. Архара в Амурской области соболь стал обычным только в 70-е годы XX века, но местные лайки в таёжном староверческом посёлке Татакан, прекрасные работники по белке, медведю и кабану, соболя как желанный объект охоты не воспринимали. Староверы, прекрасные охотники, искали возможность приобрести щенков от соболиных собак.

Очень вероятно, что по всей южной окраине ареала соболя по его состоянию на последнюю четверть XX века соболь был выбит задолго до прихода русских и отсутствовал веками. Именно поэтому здесь у местного поголовья лаек страсти к преследованию этого вида не было.

Получается, что ареал соболя был сокращён промыслом задолго до похода Ермака. Но основная часть ареала вида сохранилась, не смотря на века бесконтрольного промысла. Коренное население Сибири всегда было малочисленным, и хотя осваивало практически всю территорию, кочевой образ жизни способствовал сохранению соболя. Промысел пушнины вёлся только в местах зимовки населения, а район летних стойбищ служил своеобразным резерватом для соболя и других объектов пушного промысла. Эвенки, таёжные оленеводы, например, всегда зимовали в малоснежной светлохвойной тайге, а многоснежные кедровники посещали только в короткий период осенне-зимних кочёвок.

Кроме этого, цифры заготовок соболя в период освоения Сибири не могли отражать реального изъятия соболя в масштабах страны. Неофициальный оборот пушнины существовал всегда. Землепроходцы сдавали в государеву казну далеко не всё, зачастую самое ценное, в том числе лучших соболей, присваивали. Особенно этим славился основатель Иркутска Похабов, грабивший не только коренное население, но и всех своих подчинённых (Окладников, 2014). Соболей дарили своим жёнам и дочерям даже простые сибирские охотники, это в середине XIX века считалось вполне естественным

(Черкасов, 1984), а более обеспеченные слои населения, имевшие доступ к пушнине, поступали аналогично, но в больших масштабах. Известно, что для предотвращения утечки пушнины обыскивали даже сибирских губернаторов при убывании их в центр страны по истечении срока работы, причём не только их лично и их багаж, но и членов их семей (Шинкарёв, 1974). Вероятно, явление утаивания ценной пушнины считалось абсолютно обычным.

Часть пушнины напрямую уходила за рубеж, это продолжалось даже в начале XX века. Из Приморья и бассейна р. Амур соболь, минуя государственные каналы заготовок, напрямую уходил в Китай (Арсеньев, 1972), из алтайской тайги – в Монголию (Правдухин, 1964). А заготовки соболя в Туве до 1944 года в общероссийских заготовках вида не фиксировались. Можно с уверенностью утверждать, что реальная добыча соболя в стране в прошлом всегда была выше цифр, отражающих оборот его пушнины.

А главное, цифры заготовок пушнины в период освоения Сибири сравнивать с современными некорректно, они, в отличие от них, не могли даже приблизительно отразить потенциальную продуктивность соболиных популяций. Ведь освоение Сибири произошло не единовременно. От Уральского хребта до Тихого океана землепроходцы шли почти век, а затем ещё около века шло освоение территории. Промысловая же нагрузка на ценные пушные виды резко возрастала сразу же после прихода русских. Наиболее продуктивные соболиные угодья в многоснежной темнохвойной тайге осваивались самоловным промыслом. Места, веками служившие резерватами соболя, облавливались полностью. Инфраструктура освоения тайги силами коренного населения усиливалась многочисленными русскими поселениями, сетью зимовий и самоловных путиков. Это быстро приводило к перепромыслу и сокращению ареала соболя, а поскольку спрос на соболиные меха стабильно рос, росли закупочные цены на шкурки соболя и рентабельность промысла. В.Н. Скалон (1957) приводит сведения, что в XVII веке русская артель бросала освоенные угодья и переходила на новые, если доля каждого участника не достигала 15 соболей, а в XIX веке добыча даже одной особи соболя счита-

лась фартом, оправдывавшем весь промысловый сезон. Процесс освоения тайги самоловным промыслом продолжался ещё в первой трети XX века (Иванов и др., 2008), вплоть до периода коллективизации и ломки стихийно сложившейся культуры сибирского природопользования. Эта культура была очень эффективной и негативно влияла на самые востребованные ресурсы (Степаненко, 2016). При освоении русскими Восточной Сибири в Западной Сибири обилие соболя было уже снижено. На севере Красноярского края уже в XVII веке основное количество соболей добывалось русскими охотниками, а промысловики местных народностей покупали у них соболей для уплаты ясака (Савченко и др., 2002). Ко времени освоения Дальнего Востока в Восточной Сибири соболь уцелел только в самых труднодоступных угодьях. Следовательно, заготовки соболя в прошлом даже приблизительно не отражали потенциальной продуктивности соболиных угодий.

В первой половине XX века соболь получил возможность восстановления подорванного перепромыслом обилия. Наряду с прямыми мерами по его охране (всероссийский, а затем всесоюзный и региональные запреты добычи, создание первых заповедников) огромную роль сыграли социальные причины. Монополия государства на заготовки пушнины и ликвидация частного её оборота обеспечили соблюдение запрета добычи соболя, а ломка сложившегося уклада жизни всего населения привела к тому, что тайга обезлюдела, и соболь получил возможность восстановить численность (Штильмарк, 2006). Командно-административная система крепла, но заготовки необходимой государству пушнины падали. Коренное население после насильственного его перевода на оседлый образ жизни не могло обеспечить ни стабильности, ни роста заготовок пушнины, которую у него даже принимали по более высоким ценам, чем у русских охотников. Русское же население таёжной Сибири после коллективизации и запрета на собственность освоенных угодий было вынуждено менять уклад жизни. Промысел пушнины не прекратился, но при сложившихся социальных условиях он уже не мог быть основой жизнеобеспечения. Идея обязательности коллективного труда изначально не годилась

для индивидуального таёжного промысла. После осознания этого факта властными структурами появились промысловые охотничьи хозяйства, КЗПХ и затем ГПХ. В результате их деятельности тайга вновь была освоена, а заготовки пушнины, в первую очередь соболя, выросли и долгий период удерживались на высоком уровне.

Огромную роль в этом сыграли охотоведы промысловых хозяйств, сумевшие при государственных ценах на дикую пушнину не только обеспечить стабильность заготовок соболя, но сохранить ареал и обилие вида. Это в условиях, когда спрос на соболиные меха в стране на неофициальном внутреннем рынке в последней четверти XX века стал неограниченным. Проблема решалась размерами охотничье-промысловых участков и увольнениями охотников, перестававших сдавать плановое количество соболей. Практиковались так же сокращения сроков промысла и временные его запреты. Система организации промысла соответствовала своему времени. Государство стабильно получало необходимую для него пушнину, а профессия штатного охотника считалась престижной, позволявшей получать высокий доход.

Разумеется, система была отнюдь не идеальной. Плановая экономика не учитывала, что обилие соболя во времени изменяется в соответствии с законами природы, что породило массу проблем, а неограниченный спрос на «чёрном рынке» не позволял соболю восстановить ареал полностью. В каждом промхозе ближние угодья «общего пользования» опромышлялись так, что к концу каждого сезона соболя в них не оставалось. Во время работы в охотустроительной экспедиции автору материала неоднократно приходилось наблюдать, как обилие соболя подрывалось в масштабах от промыслового участка до административного сибирского района. Но хотя заготовки соболя считались стабильными, реальной продуктивности угодий они тоже не отражали – значительная часть ценной пушнины уходила на «чёрный рынок», а ареал соболя из-за промыслового прессинга не мог восстановиться полностью. Соболь в период плановой экономики считался достойной добычей для любого охотника. Цена за его шкурку была ниже таковой в начале XX века,

но достаточно высокой, на неофициальном рынке она была идентична среднему уровню месячной зарплаты в стране и даже превышала его.

Социальные перемены в стране повлияли и на промысел соболя. Его пушнина оказалась в числе востребованных на внешнем рынке, но государство от монополии на пушнину отказалось. Спрос на соболя на внутреннем рынке страны стал минимальным, закупочные цены на дикую пушнину, в том числе на соболя, снизились многократно. Социалистические формы организации промысла ушли в прошлое, а охотники, предоставленные сами себе, стихийно вырабатывали новую промысловую культуру.

Рентабельность пушного промысла резко сократилась, в результате число охотников-промысловиков многократно снизилось. Сейчас осваиваются только те угодья, куда охотники могут добраться самостоятельно без значительных затрат средств. Современная снегоходная техника позволила увеличить размеры промысловых участков и протяженность самоловных путиков на них, охотники, способные вкладывать в промысел значительные средства, добывают соболей в большом количестве, ведь только это позволяет им сохранять рентабельность своего занятия. Добыча за сезон более 100 соболей (и даже более 200) считаются не исключительным, а обычным явлением. Но если в недалёком прошлом соболь добывался всеми охотниками Сибири, то сейчас большинство из них специально соболем либо не занимаются, либо не обладают необходимой для этого квалификацией. Интересно изменение отношения к соболю при коллективных охотах на косулю в Иркутской области. В недалёком прошлом встреча соболя на таких охотах считалась исключительным явлением, любая попытка его добычи оценивалась охотниками положительно, а добыча считалась фартом. Сейчас за стрельбу по соболю со стрелкового номера при облаве косуль стрелка наказывают коллеги. Но дальняя труднодоступная тайга, освоенная в период действия промхозов, вновь опустела. Она стала играть роль резервата, обогащающего окружающие угодья. Наличие огромных неосвоенных промыслом площадей тайги обеспечивают стабильное воспроизводство соболя и расширение его ареала.

В нашем веке соболь полностью восстановил свой былой ареал и обитает даже в окрестностях крупных сибирских городов, таких как Иркутск и Красноярск. Соболь оказался очень пластичным видом, способным жить и размножаться в непосредственной близости от человеческого жилья, в том числе в угодьях, трансформированных деятельностью человека.

То, как восстанавливался ареал соболя, показывает ситуация с этим видом в центре Качугского района, в окрестностях сёл Анга, Бутаково и др. Эти места заселены с древности, местный ландшафт – лесостепь, причём открытые пространства освоены как сельхозугодья, а леса, светлохвойные и мелколиственные, в основном вторичные. То есть это явно не соболиные угодья. Впервые соболя появились здесь в критическую для вида осень 1962 года (Формозов, 1976), затем, по нашим наблюдениям, в аналогичный по условиям кормообеспеченности вида 1992 год. С середины 90-х XX века соболь стал заходить сюда регулярно каждую осень, это стало следствием существования Байкало-Ленского заповедника. Но вплоть до начала текущего века соболь в доступных угодьях агроландшафта ежегодно выбивался полностью. Со временем число сельских охотников старшего возраста по естественным причинам сократилось, в результате соболь в этих местах с 2010 года обитает круглогодично и размножается. Для местных охотников, продолжающих заниматься охотой на соболя, дневная добыча 2-х – 3-х зверьков в начале сезона охоты считается обычным явлением.

Поскольку ареал соболя восстановился в масштабах страны, а потребность в ценной пушнине на неофициальном внутреннем рынке стала минимальной, заготовки соболя стали отражать реальную продуктивность популяций вида. Сложившаяся культура опромышления запасов соболя, когда дальние угодья осваиваются лишь частично, обеспечивает относительную стабильность заготовок вида при сохранности его ареала.

Превышение лимитов на добычу вида, причём в несколько раз и ежегодно, но не вызывающих снижения его ареала и обилия, свидетельствуют только о низком качестве учётных работ. О методе ЗМУ написано много, но

в современном его виде он для учёта соболя не пригоден в принципе. Ведь метод подразумевает равномерное распределение объекта учёта в угодьях, а именно это для соболя не свойственно. В конце сезона охоты обилие вида в местах охоты на него всегда снижено и намного ниже, чем там, где промысла не было. Учёт же проводится только в местах, освоенных промыслом. Провести же работу по учёту соболя в масштабах сибирского промыслового района правильно можно только теоретически, ведь она потребует затрат, аналогичных таковым при организации промысла в масштабах этого района. А это уже за пределами здравого смысла…

Будущее соболя в стране зависит от закупочных цен на его пушнину. Спрос на соболиные меха существует, пока он есть, будет и промысел. Но современные цены на соболиные меха таковы, что количество охотников – соболятников не растёт, а сокращается. Это преимущественно люди зрелого и старшего возраста, молодёжи среди них почти нет. При сохранении современного уровня закупочных цен на пушнину снижение заготовок соболиных шкурок в ближайшие десятилетия неизбежно, при полном благополучии соболиных популяций. Вероятно, это послужит предпосылкой для роста закупочных цен на соболя, но как будет в действительности, покажет только время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арембовский И.В. Речной бобр в прошлом Восточной Сибири., в кн. «Известия Иркутского государственного научного музея», ОГИЗ, Иркутск, 1937, стр. 118 -127.
2. Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрёстка. Научное издание. Иркутск, 2008, 260 с.
3. Надеев В.Н., Тимофеев В.В. Соболь., М., «Заготиздат», 1955. – 404 с.
4. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII – XVIII вв.) Изд-во «НоваПринт», Улан-Удэ, 2014. 512 с.
5. Правдухин В.П. Годы, тропы, ружьё. М., «Советский писатель», 1968, 336 с.
6. Савченко А.П., Смирнов М.Н., Зырянов А.Н., Соколов Г.А., Беляков А.В., Мальцев Н.И., Янгулова А.В., Кожечкин В.В., Минаков И.А., Окаёмов В.С., Суворов А.П., Тимошкина О.А. // Ресурсы охотничьих зверей Красноярского края (анализ состояния популяций). // Изд-во Красноярского гос.

Университета. – Красноярск, 2002. – 162 с. (Биологическое разнообразие Красноярского края).

7. Скалон В.Н. Охраняйте природу. ОГИЗ, Иркутск, 1957, печ. л. 5,5.

8. Степаненко В.Н. Охота в культуре сибирской деревни // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства.2016. - 3. – С. 14 – 22.

9. Формозов А.Н. Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания. М. «Наука», 1976. 312 с.

10. Шинкарёв Л.И. Сибирь – откуда она пошла и куда идёт. (редактор – академик А.Н. Окладников), Иркутск, Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1974. – 487 с.

11. Штильмарк Ф.Р. Отчёт о прожитом. М., «Логата», 2006. – 576 с.

12. Черкасов А.А., Записки охотника Восточной Сибири. М., «Физкультура и спорт», 1990. - 576 с.

V.N. Stepanenko

The federal government budget enterprise «Reserved Baikal region», Irkutsk, Russia

THE HISTORY OF THE HUNTING TRADE SABLE

The reasons for the increase in sable blanks are considered. The area of the species was reduced long before the campaign of Ermak. The development of Siberia by Russians went more than a century, and the abundance of sable with their arrival decreased very quickly. The numbers of harvesting during this period did not reflect the potential productivity of sable populations. The real production of sable in the past was higher than the figures reflecting the official turnover of its furs. To date, the sable area has fully recovered, the demand for sable skins in the informal domestic market is minimal. The modern consistently high level of sable skins reflects the real productivity of its populations, the modern culture of sable hunting does not threaten the well-being of the species.

Key words: sable, Siberia, habitat, fishing, laika, taiga, indigenous population, harvesting.

Поступила в редакцию 20 мая 2018